

С. МАРШАК

АНГЛИЙСКИЕ БАЛЛАДЫ И ПЕСНИ

Рисунки художника В. Лебедева

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

Москва 1944

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

МЕЛЬНИК¹

(Шотландская баллада)

1

Вернулся мельник вечерком
На мельницу, домой,
И видит: конь под чепраком
Гуляет вороной.

— Хозяйка, кто сюда верхом
Приехал без меня?
Гуляет копь перед крыльцом,
Уздечкою звеня.

— Гуляет конь,
Ты говоришь?
— Гуляет,
Говорю!
— Звенит уздечкой,
Говоришь?
— Уздечкой,
Говорю!

— С ума ты спятил, старый плут,
Нанился ты опять!
Гуляет по двору свинья,
Что мне прислала мать.

Гривок из этой шотландской баллады послужил метевом для творения Пушкина „Воротился ночью мельник“.

— Прислала мать,
Ты говоришь?
— Прислала,
Говорю!
— Свињью прислала,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Свињей немало я видал,
Со свињьями знаком,
Но никогда я не видал
Свињьи под чепраком!

2

Вернулся мельник вечерком,
Идет к своей жепе
И видит новенький мундир
И шляпу на стене.

— Хозяйка, что за командир
Пожаловал в мой дом?
Зачем висит у нас мундир
И шляпа с галуном?

— Побойся бога, старый плут.
Ни сесть тебе, ни встать!
Мне одеяло и чепец
Вчера прислала мать!

— Чепец прислала,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!
— И одеяло,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Немало видел я, жена,
Чепцов и одеял,
Но золотого галуна
На них я не видал!

3

Вернулся мельник вечерком,
Шагнул через порог
И видит пару щегольских.
Начищенных сапог.

— Хозяйка, что за сапоги
Торчат из-под скамьи?
Свои я знаю сапоги,
А это не мои!

— Ты пьян, как стелька, старый плут!
Иди скорее спать!
Стоят под лавкой два ведра,
Что мне прислала мать.

— Прислала мать,
Ты говоришь?

— Прислала,
Говорю!

— Прислала ведра,
Говоришь?

— Прислала,
Говорю!

— Немало ведер я видал
На свете до сих пор,
Но никогда я не видал
На ведрах медных шнор!

ТРАГЕДИЯ ДУГЛАСОВ

— Проснись поскорее, мой лорд, мой супруг,
Надень свой тяжелый доспех.
Пусть люди не скажут, что Дугласа дочь
Обвенчана тайно от всех.

Проснитесь, проснитесь, мои сыновья,
Седлайте коней вороных.
Пусть люди не скажут, что Дугласа дочь
Венчалась тайком от родных!

Мисс Маргарет мчится на белом коне,
Лорд Вильям — на сером за ней.
В руке его — меч, на поясе — рог,
И оба торопят коней.

Назад оглянулся и слушает он,
Что слышится в поле глухом:
Там слышится топот могучих коней —
Семь рыцарей скачут верхом.

— Мой шелковый повод, миледи, возьми,
Держи моего жеребца.
Средь чистого поля я встречу один
И братьев твоих и отца!

Стояла она, смотрела она,
И горько ей было стоять

И видеть, как падают братья в бою
И надо отцу погибать.

— Опомнись, опомнись, безжалостный лорд,
Постой, не рази до конца.
Любовников много могу я найти,
Но где я найду отца?

Сняла она с шеи узорный платок
Голландского полотна.
Но алая кровь из отцовской груди
Бежала, как струйка вина.

— Ты хочешь ли дальше поехать со мной,
Иль хочешь вернуться к родне?
— Поеду с тобой, мой единственный друг,—
Других не оставил ты мне!

Опять они скачут вперед, вперед.
Луна над полями взошла.
С коня он спустился у бледной воды
И Маргарет снял с седла.

Вот оба склонились — уста освежить
Студеной водой ручья,
Но кровью горячего сердца его
Под ним обагрилась струя.

— Ты ранен, ты ранен,— сказала она,—
И кровь твоя в воду бежит!
— О нет, дорогая, багряный мой плащ,
В воде отражаясь, дрожит.

Опять они скачут при свете луны,
Несутся быстрее, быстрее.
У темного замка сошел он с коня
И крикнул, стучась у дверей:

— Открой поскорее, сударыня-мать,
Усталого сына впусти —
Жену дорогую на краткую ночь
Ему удалось привезти.

Спеши приготовить для сына постель,
Вели ее мягче постлать.
Ты Мăргарет рядом со мной положи,
И долго мы будем спать.

Лорд Вїльям скончался ночью порой,
А Мăргарет — в утренней мгле.
Пусть горестный жребий влюбленной четы
Не ждет никого на земле!

У деркви Марии подруга лежит,
А рядом — погибший любовник.
Над ней белоснежная роза цветет,
Над ним — темнокрасный шиповник.

Кусты разрослись и ветвями сплелись,
И в мае цветут они оба,
И шепчут они, что лежат в их тени
Два друга, любивших до гроба.

КОРОЛЬ И ПАСТУХ

1

Послушайте повесть
Минувших времен
О доблестном принце
По имени Джон.
Судил он и правил
С дубового трона,
Не ведая правил,
Не зная закона.

Послушайте дальше.
Сосед его близкий
Был архиепископ
Кентерберийский.
Он жил-поживал,
Не пуждаясь ни в чем,
И первым в народе
Прослыл богачом.

Но вот за богатство
И громкую славу
Зовут его в Лондон
На суд и расправу.
Везут его ночью
К стене городской,
Ведут его в баню
Над Темзой-рекой.

— Здорòво, здорòво,
 Смирeнный аббат!
 Получше меня
 Ты живeшь, говорят.
 Ты нашей короне
 Лукавый изменник.
 Тебя мы лишаем
 Поместий и денег!

Взмолился епископ:
 — Великий король,
 Одно только слово
 Сказать мне позволъ.
 Всевышнему богу
 И людям известно,
 Что трачу я деньги,
 Добытые честно.

— Не ври понапрасну,
 Плешивый аббат!
 Для всякого ясно,
 Что ты виноват.
 И знай, — навсегда
 Твоя песенка спета,
 Коль на три вопроса
 Не дашь мне ответа.

Вопросы такие:
 Когда я на троне
 Сижу в золотой
 Королевской короне,
 А справа и слева
 Стоит моя знать, —
 Какая цена мне,
 Ты должен сказать.

Потом разгадай-ка
Загадку другую:
Как скоро всю землю
Объехать могу я?
А в-третьих, сказать
Без записки изволь:
Что думает
Твой милосердный король?

Тебе на раздумье
Даю две недели,
И столько же будет
Душа в твоём теле.
Подумай, епископ,
Четырнадцать дней,—
Авось, на пятнадцатый
Станешь умней!

3

Вот едет епископ,
Рассудком нетвёрд.
Заехал он в Кембридж,
Потом в Оксифорд¹.
Увы, ни один
Богослов и философ
Ему не решил
Королевских вопросов.

Проездив епископ
Одиннадцать дней
И встретил за мельницей
Стадо свиной.
Пастух поклонился
Учтиво и низко
И молвил:— Что слышно,
Хозяин-епископ?

¹ Оксенфорд — старинное название Оксфорда.

— Печальные вести,
Пастух, у меня:
Гулять мне на свете
Осталось три дня.
Коль на три вопроса
Не дам я ответа,
Вовеки не видеть
Мне белого света!

— Милорд, не печалься!
Бывает и так,
Что умным в беде
Помогает дурак.
Давай-ка мне посох,
Кольцо и сутану,
И я за тебя
Перед троном представу.

Ты — знатный епископ,
А я — свинопас,
Но в детстве, мне помнится,
Путали нас.
Прости мою дерзость,
Твое преподобье,
Но все говорят,
Что мое ты подобье!

— Мой верный пастух,
Я тебе отдаю
И посох, и рясу,
И митру мою.
Да будет с тобою
Премудрость господня.
Но только смотри —
Отправляйся сегодня!

Вот прибыл пастух
 В королевский дворец.
 — Здорòво, здорòво,
 Смирешьый отец!
 Тебя во дворце
 Я давно поджидаю.
 Садись,— я загадки
 Тебе загадаю.

А ну-ка, послушай:
 Когда я на троне
 Сажу в золотой
 Королевской короне.
 А справа и слева
 Стоит моя знать,—
 Какая цена мне,
 Ты должен сказать!

Пастух королю
 Отвечает с поклоном:
 — Цены я не знаю
 Коронам и тронам.
 А сколько ты стоишь,—
 Спроси свою знать,
 Которой случалось
 Тебя продавать!

Король усмехнулся:
 — Вот ловкий пройдоха!
 На первый вопрос
 Ты ответил неплохо.
 Теперь догадайся,—
 Как скоро верхом
 Могу я всю землю
 Объехать кругом.

— Чуть солнце взойдет,
Поезжай понемногу
И следом за солнцем
Скачи всю дорогу,
Пока не вернется
Оно в небеса.
Объедешь ты в двадцать
Четыре часа!

Король засмеялся:
— Неужто так скоро?
С тобой согласиться
Я должен без спора.
Теперь, наконец,
Ответить изволь:
Что думает
Твой милосердный король?

— Что ж,— молвил пастух,
Поглядев простовато:
— Ты думаешь, сударь,
Что видишь аббата.
Меж тем пред тобою
Стоит свинопас,
Который аббата
От гибели спас!

КОРОЛЕВА ЭЛИНОР

Королева Британии тяжело больна,
Дни и ночи ее сочтены.
И позвать исповедников просит она
Из родной, из французской страны.

Но пока из Парижа попов привезешь,
Королеве настанет конец..
И король посылает двенадцать вельмож
Лорда-маршала звать во дворец.

Он верхом прискакал к своему королю
И колени склонить поспешил.
— О король, я прощенья, прощенья молю,
Если в чем-нибудь согрешил!

— Я клянусь тебе жизнью и тронем своим:
Если ты виноват предо мной,
Из дворца моего ты уйдешь невредим
И прощенный вернешься домой.

Только плащ францисканца на панцырь надень,
Я оденусь и сам, как монах.
Королеву Британии завтрашний день
Исповедывать будем в грехах!

Рано утром король и лорд-маршал тайком
В королевскую церковь пошли,

И кадили вдвоем и читали псалом,
Зажигая лампад фитили.

А потом повели их в покои дворца,
Где больная лежала в бреду.
С двух сторон подступили к ней два чернеца,
Торопливо крестясь на ходу.

— Вы из Франции оба, святые отцы?—
Прошентала жена короля.

— Королева,—сказали в ответ чернецы,—
Мы сегодня сошли с корабля!

— Если так, я покаюсь пред вами в грехах
И верну себе мир и покой!

— Кайся, кайся!—сурово ответил монах.
— Кайся, кайся!—ответил другой.

— Я неверной женою была королю.
Это первый и тягостный грех.
Десять лет я любила и нынче люблю
Лорда-маршала больше, чем всех!

Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!..

— Кайся, кайся!—печально ответил монах,
А другой отозвался:—Аминь!

— Зимним вечером ровно три года назад
В этот кубок из хрустала
Я украдкой за ужином всыпала яд,
Чтобы власть напоить короля.

Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!..

— Кайся, кайся!—угрюмо ответил монах,
А другой отозвался:—Аминь!

— Родила я в замужестве двух сыновей,
Старший принц и хорош и пригож,
Ни лицом, ни умом, ни отвагой своей
На урода-отца непохож.

А другой мой малютка плешив, как отец,
Косоглаз, косолап, кривоног!..

— Замолчи!—закричал косоглазый чернец.
Видно, больше терпеть он не мог.

Отшвырнул он распятыя и, сбросивши с плеч
Францисканский суровый парад,
Он предстал перед ней, опираясь на меч,
Весь в доспехах от шеи до пят.

И другому аббату он тихо сказал:

— Будь, отец, благодарен судьбе!

Если б клятвой себя я вчера не связал,
Ты бы нынче висел на столбе.

Г Р А Ф И Н Я - Ц Ы Г А Н К А

Цыгане явились на графский двор,
Играя на тамбурине.
Так звонко гремел их веселый хор,
Что в замке проснулась графиня.

Танцуя, сбежала она на крыльцо,
И громче цыгане запели.
Увидев ее молодое лицо,
Они ее взглянуть успели.

— Шелка дорогие снимите с меня,
Давайте мне шаль простую.
Пускай от меня отречется родня,—
С цыганами в степь уйду я!

Вчера мне служанки стелили кровать
У мужа в богатом доме.
А нынче в амбаре я лягу спать
С цыганами на соломе!

— Пойдешь ли со мною,—спросил ее Джек,—
Скитаться в пенастье и стужу?
Клянусь я ножом, не вернешься вовек
Ты в замок оставленный—к мужу!

— С тобою я рада весь мир обойти
И плыть по морям-океанам.

С тобою готова погибнуть в пути,
С моим кареглазым дыганом!

Дорога бежит по лесам, по горам,
То низко бежит, то высоко,
Но вот выбегает она к берегам
Шумящего в скалах потока.

— Бывало, я в воду спускалась верхом,
И лорд мой был рядом со мною.
Теперь перейду я поток босиком
С тяжелым мешком за спиною!

Пожипутый граф воротился домой.
Склизкает он пятек и мамок.
Ему говорят: „На шатер кочевой
Она променяла твой замок“.

— Седлайте живей вороного коня.
За ним не угнаться гнедому.
Пока ее нет на седле у меня,
Дорогу забуду я к дому!

Дорога бежит по лесам, по горам,
То низко бежит, то высоко.
Но вот выбегает она к берегам
Шумящего в скалах потока.

— Вернись, молодая графиня, домой.
Ты будешь в атласе и в шелке
До смерти сидеть за высокой стеной
В своей одинокой светелке!

— О нет, дорогой! Не воротись домой
Меня ни мольбою, ни силой.
Кто варит свой мед, тот сам его пьет.
А я его крепко сварила!

БАЛЛАДА О ДВУХ СЕСТРАХ

К двум сестрам в терем над водой,
 Биннори, о Биннори,
Приехал рыцарь молодой,
 У славных мельниц Биннори.

Колечко старшей подарил,
 Биннори, о Биннори,
Но больше младшую любил,
 У славных мельниц Биннори.

И зависть старшую взяла,
 Биннори, о Биннори,
Что другу младшая мила,
 У славных мельниц Биннори.

Вот рано-рано поутру,
 Биннори, о Биннори,
Сестра гулять зовет сестру,
 У славных мельниц Биннори.

— Вставай, сестрица, мой дружок,
 Биннори, о Биннори,
Пойдем со мной на бережок,
 У славных мельниц Биннори.

Над речкой младшая сидит,
 Биннори, о Биннори,
На волны быстрые глядит,
 У славных мельниц Биннори.

А старшая подкралась к ней,
 Биннори, о Биннори,
И в омут сбросила с камней,
 У славных мельниц Биннори.

— Сестрица, сжапись надо мной,
 Биннори, о Биннори,
Ты станешь рыцаря женой,
 У славных мельниц Биннори.

— Подай перчатку мне свою,
 Биннори, о Биннори,
Тебе я друга отдаю,
 У славных мельниц Биннори.

— Ступай, сестра моя, на дно,
 Биннори, о Биннори,
Тебе спастись не суждено,
 У славных мельниц Биннори.

Недолго младшая плыла,
 Биннори, о Биннори,
Недолго старшую звала,
 У славных мельниц Биннори.

В плотине воду отвели,
 Биннори, о Биннори,
И тело девушки нашли
 У славных мельниц Биннори.

Девичий стан ее кругом,
 Биннори, о Биннори,
Узорным стянут пояском,
 У славных мельниц Биннори.

Не видно кос ее густых,
 Биннори, о Биннори,

Из-за гребенок золотых,
У славных мельниц Биннори.

В тот день бродил у берегов,
Биннори, о Биннори,
Певец, желанный гость пиров,
У славных мельниц Биннори.

Он срезал прядь ее одну,
Биннори, о Биннори,
И свил упругую струну,
У славных мельниц Биннори.

Он взял две пряди золотых,
Биннори, о Биннори,
И две струны плетет из них,
У славных мельниц Биннори.

К ее отцу идет певец,
Биннори, о Биннори.
Он входит с арфой во дворец,
У славных мельниц Биннори.

Струна запела под рукой,
Биннори, о Биннори,
„Прощай, отец мой дорогой!“
У славных мельниц Биннори.

Другая вторит ей струна,
Биннори, о Биннори:
„Прощай, мой друг!“—пост она,
У славных мельниц Биннори.

Все струны грянули, звеня,
Биннори, о Биннори:
„Сестра, сгубила ты меня
У славных мельниц Биннори!“

КЛЯТВА ВЕРНОСТИ

Мертвец явился к Марджерри.
Взошел он на крыльцо,
У двери тихо застонал
И дернул за кольцо.

— О кто там, кто там в поздний час
Ждет у дверей моих:
Отец родной, иль брат мой Джон,
Иль милый мой жених?

— Нет, не отец, не брат твой Джон
Ждут у дверей твоих.
То из Шотландии домой
Вернулся твой жених.

О, сжался, сжался надо мной,
О, сжался, пощади.
От клятвы верности меня
Навек освободи!

— Ты клятву верности мне дал,
Мой Вилли, не одну.
Но поцелуй в последний раз,
И клятву я верну.

— Мое дыханье тяжело
И горек бледный рот.
Кого губами я коснусь,
Тот дня не проживет.

Петух поет, заря встает,
Петух поет опять.
Не место мертвым среди живых,
Нельзя мне больше ждать!—

Он вышел в сад, она за ним.
Идут по склонам гор.
Вот видят церковь в стороне,
Кругом—зеленый двор.

Земля разверзлась перед ним
У самых, самых ног,
И снова Вилли молодой
В свою могилу лег.

— Что там за тени, милый друг,
Склонились с трех сторон?
— Три юных девы, Марджери.
Я с каждой обручен.

— Что там за тени, милый друг,
Над головой твоей?
— Мои малютки, Марджери,
От разных матерей.

— Что там за тени, милый друг,
У ног твоих лежат?
— Собаки ада, Марджери,
Могилу сторожат!

Она ударила его
Дрожащею рукой.
— Я возвращаю твой обет,
Пусть бог вернет покой!

РУСАЛКА

Морская песня

В эту пятницу утром
Неслись мы вперед,
Оставляя маяк вдалеке.
Видим: в море за нами
Русалка плывет
С круглым зеркальцем,
С гребнем в руке.

Нам вдогонку
Летел ураган.
А кругом океан
Бушевал.
Убирать паруса
Приказал капитан
В это утро,
В последний аврал.

Показалась русалка
И скрылась опять,
И сказал
Наш матрос молодой:
— Я оставил на родине
Старую мать.
Пусть не ждет она сына домой.
Выйдет к берегу мать,
Будет паруса ждать

При бесчисленных звездах и луне.
Пусть напрасно не ждет,
Слез горячих не льет.
Пусть поищет, пошарит па дне!

Наши утлые шлюпки
Сорвала волна,
И сказал
Капитан удалой:
— Будет плакать моя
Молодая жена.
В эту ночь она станет вдовой!

По горбатым волнам
Мы неслись без руля,
И сказал
Наш запасливый кок:
— Не дождется земля
Моего корабля,
А меня не дождется сынок!

Мы работали дружно,
Тонули мы врозь—
Это было
Судьбой суждено.
Уцелевшего бота
У нас не нашлось,
И пошли мы
На темное дно, на дно, на дно,
За русалкой
На темное дно.

ЖЕНЩИНА ИЗ АШЕРС-ВЕЛЛ

(Крестьянская баллада)

Жила старуха в Ашерс-Велл
С детьми и не грустила,
Пока в далекие края
Детей не отпустила.

Она ждала от них вестей
И вот дождалась вскоре:
Ее три сына молодых
Погибли в бурном море.

— Пусть дуют ветры день и ночь
И рвут рыбацьи сети,
Пока живыми в отчий дом
Не возвратитесь, дети!

Они вернулись к ней зимой,
Когда пришли морозы.
Их шапки были из коры
Неведомой березы.

Такой березы не найти
В лесах родного края—
Береза белая росла
У врат святого рая.

— Раздуйте, девушки, огонь,
Бегите за водою.
Все сыновья мои со мной.
Я нынче пир устрою!

Постель широкою для них
Постлала мать с любовью,
Сама закуталась в платок
И села к изголовью.

Вот на дворе поет петух,
Светлеет понемногу,
И старший младшим говорит:
— Нора нам в путь-дорогу!

Петух поет, заря встает.
Рогов я слышу звуки.
Нельзя нам ждать—за наш уход
Терпеть мы будем муки.

— Лежи, лежи, наш старший брат,
Еще не встала зорька.
Проснется матушка без нас
И будет плакать горько.

Смотри, как спит она, склонясь,
Не ведая тревоги.
Платочек с плеч она сняла
И нам укрыла ноги.

Они повесили на гвоздь
Платок давно знакомый.
— Прощай, платок! Нескоро вновь
Ты нас увидишь дома.

Прощайте все: старуха-мать
И девушка-служанка,
Что рано по двору бежит
С тяжелою визанкой.

Прощай, амбар, сарай и клеть
И ты, наш пес любимый.
Прости-прощай, наш старый дом
И весь наш край родимый!

С О Н Е Т

О если ты, мой друг, переживешь
 Тот день, когда меня накроет смерть доскою,
 И строчки бедные случайно перечтешь,
 Написанные любящей рукою,

Ты, может быть, сравнишь меня и молодежь.
 Ее искусство выше будет вдвое,
 Но пусть я буду по-милу хорош—
 Тем, что любил тебя и полон был тобою!

Подумай: если бы я не отстал в пути,—
 С растущим временем и я бы мог расти
 И лучшие тебе принес бы посвященья
 Среди избранных иного поколения.

Но так как умер я, а действуют они,
 Во мне—любовь, в них—мастерство цени.

СОНЕТ

Зову я смерть—мне видеть невтерпеж
Достоинство просящим подаянья,
Над простодушием глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеяньи,
И совершенству ложный приговор,
И целомудрие, поруганное грубо,
И незаслуженный почет или позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И вдохновение с повязкой на устах,
И глупость в мантии наставника, пророка,
И правду чистую, поверженную в прах,
И добродетели на службе у порока.

Мне опостыло все, что вижу я вокруг,
Но жалко мне тебя покинуть, милый друг!

ПЕСНИ ШУТА

(Из „Короля Лира“¹)

1

Звени поменьше кошельком,
Мели поменьше языком
И лучше сам будь должником,
Чем другу денежным мешком.
К богатым не ходи пешком,
Будь осторожным игроком,
Не верь тому, с кем незнаком.

Забудь и кружку,
И подружку,
Храни под срудом каждый грош.
Тогда полушку на полушку,
А на сто-сотню наживешь!

2

Тот, кто решил на кускам
Страну свою раздать,
Пусть приобщится к дуракам,—
Он будет мне под стать.

¹ Здесь дано несколько песенок и стихотворных реплик шута из трагедии „Король Лир“. Из них выбраны только те, которые имеют более или менее самостоятельное значение и не слишком тесно связаны с общим текстом трагедии.—С. М.

Мы станем с ним, рука к руке—
Два круглых дурака:
Один в дурацком колпаке,
Другой без колпака!

3

Для дураков—печальный день:
Все умники страны
Мозги надели набекрень
И стали им равны!

4

Тот, кто крошек не сберег,
Черствой коркой пренебрег—
Будет каяться, когда
Постучится в дверь нужда.

5

Вскормил кукушку воробей—
Бездомного
Птенца,—
А тот возьми да и убей
Приемного
Отца!

6

Отцов сановных и богатых
Ласкают дочки и зятья.
А у кого штаны в заплатах,—
Того не жалует семья!

Фортуна—жалкая блудница:
Она с голодным не ложится!

7

Кто служит только для того,
Чтоб извлекать доходы,
Тебя оставит одного
Во время непогоды.

Но шут с тобой—твой верный шут!—
Служил он не для денег.
Он жалкий шут, но он не плут,
Дурак, а не мошенник!

8

Тот, кто в несчастьи владеет собой,—
— Молния, гром и град!—
В бурю и в шквал не дрожит пред
судьбо.
Будь они сутки подряд!

9

Когда откажется священник
Кривить душою из-за денег

И перестанет пивовар
Водою разбавлять товар,

Когда наскучит кавалерам
Учиться у портных манерам,

Когда еретиков монах
Сжигать не станет на кострах.

Когда судья грешить не будет
И без причины не осудит,

Когда умолкнет клевета,
Замок повесив на уста,

Когда блудница храм построит,
А ростовщик сундук откроет,—

Тогда-то будет Альбион
До основанья потрясен,
Тогда ходить мы будем с вами
Вверх головами, вниз ногами!

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится—и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство—
Штамп на золотом,
А золотой—
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом,—
Таких зову я знатью!

Вот этот шут—природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,—
Бревно бревном останется!

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позумештах,—
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом.
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всем при том,
При всем при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Настанет день и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всем при том,
При всем при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья.

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец ляхой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон.
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Все так же бует и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он коньями врагам,
Качая головой.

Но стало холодно в полях,
Дни осени пришли,
И Джон, состарившись, зачах,
Склонился до земли.

Настало время помирать —
Зима недалеко.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Его подрезал острый нож,
Свалил беднягу с ног,
И, как бродягу на правёж,
Везут его на ток.

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.

Он был в колодез погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно!

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер.
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец —
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет.

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!

З А С Т О Л Ь Н А Я

Забыть ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забыть ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Побольше кружки приготовь
И доверху палей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

За дружбу старую —
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина —
За счастье юных дней.

С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней.

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука — в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

ЛУЧШИЙ ПАРЕНЬ

Лучший паренек наших лет,
Славный паренек,
Статный паренек,
На плече он носит плед,
Славный горский паренек.

Носит шапку широкую,
Славный паренек,
Статный паренек,
Он с изменой незнаком,
Славный горский паренек.

Слышишь звонкий зов трубы,
Дочь полей,
Дитя долины,
Зов трубы и гром палубы,
Девушка долины?

Слава в бой меня зовет,
Дочь полей,
Дитя долины,
За свободу и народ,
Девушка долины!

Легче солнце двинуть вспять,
Славный паренек,

Статный парень,
Чем тебя поколебать,
Славный горский парень.

Честь добудь себе в бою,
Славный парень,
Статный парень.
И прославь страну свою,
Славный горский парень!

В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ

В горах мое сердце! Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай,—
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах мое сердце! Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу!

Д Ж О Н А Н Д Е Р С О Н

Джон Андерсон, когда с тобой
Делил я хлеб и соль,
Я помню, локон твой густой
Был черен, точно смоль.
Теперь ты снегом убелен,
Ты знал немало выюг.
Но будь ты счастлив, лысый Джон,
Джон Андерсон, мой друг.

Джон Андерсон, мой старый друг,
Мы шли с тобою в гору,
И столько радости вокруг
Мы видели в ту пору.
Теперь мы под гору бредем,
Не разнимая рук.
И в землю ляжем мы вдвоем,
Джон Андерсон, мой друг!

МАКФЕРСОН ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Пр и п е в:

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней—
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков—
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть.

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

ДЕРЕВО СВОБОДЫ

Есть дерево в Париже, брат.
Под сень его густую
Друзья отечества снесат,
Победу торжествуя.

Где нынче у его ствола
Свободный люд толпится,
Вчера Бастилия была,
Всей Франции темница.

Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек — не скот, брат.

Его вкусить холопу дай —
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.

Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня,
Здоровье нам дает, брат.

Он проясняет мутный взгляд,
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он — яд:
Он сводит их в могилу!

Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принёс росток свободы.

Пошла доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.

Но юпой жизни торжеству
Грозит порок тлетворный.
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.

У дерева хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат.
За это сам лишился он
Короны и башки, брат.

Тогда поклялся злобный сброд,
Собрание всех пороков,
Что дерево не доживет
До поздних, зрелых соков.

Шакалов много собралось
Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось.
Жалели, что пошли, брат!

Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов.
Отвагою пылая.

Новорожденный весь народ
Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд.
Вся свора палачей, брат.

Британский край! Хорош твой дуб.
Сосна и тополь — тоже.
И ты на шутки был не скуп,
Когда ты был моложе.

Богатым лесом ты одет,
И много в нем грибов, брат.
Но дерева свободы нет
Среди твоих дубов, брат.

А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной.

Питаем мы своим горбом
Потомственных воров, брат,
И лишь за гробом отдохнем
От всех своих трудов, брат.

Но верю я: настанет день,—
И он не за горами,—
Когда листвы волшебной сесть
Раскинется над нами.

Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!

РОБИИ

В деревне парень был рожден.
Но день, когда родился он,
В календари не занесен.
Кому был нужен Робин?

Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

Зато отметил календарь,
Что был такой-то государь,
И в щели дома дул январь.
Когда родился Робин.

Разжав младенческий кулак,
Гадалка говорила так:
— Мальчишка будет не дурак.
Пускай зовется Робин!

Немало ждет его обид,
Но сердцем всё он победит.
Парнишка будет знаменит,
Семью прославит Робин.

Он будет весел и остер,
И наших дочек и сестер
Полюбит с самых ранних пор
Неугомонный Робин.

Девчонкам — бог его прости!—
Уснуть не даст он взаперти,
Но знать не будет двадцати
Других пороков Робин.

Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

* * *

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.

А если мука суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где тьма кругом,—
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.

И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной.

Д Ж Е Н Н И

Пробирался до калитки
Полям вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь.
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,—
Что с него возьмешь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

ГДЕ-ТО В ПЕЩЕРЕ

Где-то в пещере, в прибрежном краю
Горе свое от людей утаю.
Там я обдумаю
Злую судьбу мою,
Злую, угрюмую участь мою.

Лживая женщина, клятвам твоим
Время пришло разлететься, как дым.
Смейся с возлюбленным
Ты над загубленным,
Над обесславленным счастьем моим.

* * *

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми.
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил —
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!

Нам не быть с тобою, Джеми.
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечного покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою, Джеми,
Навсегда закрою!

ПЕСНЯ БРОДЯЧЕГО ЛУДИЛЬЩИКА

Я, ваша честь,
Паяю жечь.
Лудильщик я и медник.
Хожу пешком
Из дома в дом.
На мне прожжен передник.

Я был в войсках —
С ружьем в руках
Стоял на карауле.
Теперь опять
Иду паять,
Чинить-паять
Кастрюли!

Вот этот хлыщ —
Душою нищ.
Хоть он в семье наследник.
Любовь моя.
Бери в мужья
Того, на ком передник!

Любовь моя,
Лудильщик я —
И круглый год в дороге.
Клянусь, вдвоем
Мы проживем
Без горя и тревоги!

ФИНДЛЕЙ

— Кто там стучится в поздний час?

„Конечно, я — Финдлей“.

— Ступай домой. Все спят у нас!

„Не все!“ — сказал Финдлей.

— Как ты иррити ко мне посмел?

„Посмел“, — сказал Финдлей.

— Небось. наделаешь ты дел.

„Могу!“ — сказал Финдлей.

— Тебе калитку отвори...

„А ну!“ — сказал Финдлей.

— Ты спать не дашь мне до зари.

„Не дам!“ — сказал Финдлей.

— Попробуй в дом тебя впустить...

„Впусти!“ — сказал Финдлей.

— Всю ночь ты можешь прогостить.

„Всю ночь!“ — сказал Финдлей.

— С тобою ночь одну побудь...

„Побудь!“ — сказал Финдлей.

— Ко мне опять найдешь ты путь.

„Найду!“ — сказал Финдлей.

— О том, что буду я с тобой...

„Со мной“, — сказал Финдлей.

— Молчи до крышки гробовой!

„Идет!“ — сказал Финдлей.

ЧТО ДЕЛАТЬ ДЕВЧОНКЕ?

Что делать девчонке? Как быть мне, девчонке?
Как жить мне, девчонке, с моим муженьком?
За шиллинг пенни загублена Джени,
Обвенчана Джени с глухим стариком.

Ворчлив он и болен, всегда недоволен.
В груди его холод, в руках его лед.
Кряхтит он, бормочет, уснуть он не хочет.
Как тяжело пробыть с ним всю ночь напролет!

Брюзжит он и злится, знакомых боится,
Друзей сторонится — такой нелюдим!
Ко всем он ревнует жену молодую.
В худую минуту я встретилась с ним!

Спасибо, на свете есть тетушка Кетти, —
Она мне дала драгоценный совет.
Во всем старикану перечить я стану,
Пока он не дохнет на старости лет!

ШЕЛА О'НИЛ

Когда волочиться я начал за нею,
Немало я ласковых слов говорил,
Но более всех
Помели успех
Слова: „Мы поженимся, Шела О'Нил!“

Дождался я брака.
Но скоро, однако,
Лишился покоя, остался без сил.
От ведьмы проклятой
Ушел я в солдаты,
Оставив на родине Шелу О'Нил.

Решился я вскоре
Бежать через море,
С колонной пруссаков в атаку ходил —
Навстречу снарядам.
Ложившимся рядом
С шинелью и свистом, как Шела О'Нил.

У Фридриха в войске
Я дрался геройски,
Штыка не боялся и с пулей дружил.
Нет в мире клинка
Острее, чем жало
Безжалостной женщины — Шелы О'Нил!

* * *

Всю землю тьмой заволокло,
Но и без солнца нам светло.
Пивная кружка нам — луна,
А солнце — чарочка вина.

Готовь нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

Богатым — праздник целый год.
В труде, в нужде живет народ.
Но здесь равны и знать и голь:
Кто пьян, тот сам себе король!

Неси нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

Святой источник — мой стакан:
Он лечит от сердечных ран.
Ловлю я радости в вине,
Но лучшие живут на дне!

Давай нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

К О Р О Л Ь Г В И И

(Б а л л а д а)

Внемлите песне, короли!
Когда норвежец Гвни
Народов северной земли
Был грозный властелин,—

В его владеньях нищету
Обкрадывала знать.
Овцу последнюю — и ту
Старалась отобрать.

„Не кормит нищая земля
Больных детей и жен.
Долой тирана-короля,
Пускай покинет трон!“

Проснулся Гюрдред между скал,
Тирана лютый враг,
И над землей затрепетал
Его мятежный стяг.

За ним идут сыны войны
Лавипою сплошной,—
Как львы, сильны и голодны,
На промысел ночной.

Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.

Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростью звучит их стон
В железный зимний день.

Звучит их стон, как волчий вой,
В ответ гудит земля.
Народ идет за головой
Тирана-короля.

От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
„Твоих противников не счесть.
Готовься, Гвиц, к войне!“

Норвежец идет подымлет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.

Как плиты, что стоймя стоят
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.

Они стоят пред королем.
Недвижны, как гранит,
Но вот один взмахнул коньцем,
И сталь о сталь звенит.

Оставил земледелец плуг,
Рабочий — молоток,

Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.

Король войска свои ведет
Как грозный призрак тьмы,
Как ночь, которая несет
Дыхание чумы.

И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозовые облака,
Скрывающие гром.

— Остановитесь!—молвил Гвин
И указал вперед:
— Смотрите, Гóбрред-исполни
Навстречу нам идет!

Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе.
Король, последние часы
Отпущены тебе!

Настало время—и сошлись
Заклятых два врага,
И конница взмывает ввысь
Сыпучие снега.

Вся содрогается земля
От грохота шагов,
Людская кровь поит поля—
И нет ей берегов.

Летают голод и пужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!

Король полки бросает в бой,
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.

Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвецов.

Вот конь под всадником убит.
И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.

Устал кровавый бог войны.
Он сам от крови пьян.
Смердящий нар с полей страны
Восходит, как туман.

О, что ответят короли,
Представ на страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести воиют?

Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой.

То Гордред, горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага—и рухнул Гвив.
Разрублен пополам.

Исчезло воинство его.
Кто смог, живым ушел,
А кто остался, на того
Косматый сел орел.

А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бурливый великан.

ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК В ЛОНДОНЕ

(Святой четверг)

Чем этот день весенний свят—
Там, где богатая страна
Таких измученных ребят,
Живущих впроголодь, полна?

Что это—песня или стон
Несется к небу тренеца?
Голодный плач со всех сторон.
О, как страна моя нища!

Видно, сутки напролет
В ней стоит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы.—
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

ДРЕВО ЯДА

В ярость друг меня привел.
Гнев излил я—гнев прошел.
Враг обиду мне нанес—
Я молчал, но гнев мой рос.

Я растил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.

С каждым часом, с каждым днем
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.

Поздней ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим.

ПЕСНЯ НИНИ

Отголоски игры долетают с горы,
Оглашают темнеющий луг.
После трудного дня нет забот у меня.
В сердце тихо, и тихо вокруг.

Дети, дети, домой! Гаснет день за горой,
Выступает ночная роса.
Погуляли—и спать. Завтра выйдем опять,
Только луч озарит небеса.

— Нет, о нет, не сейчас! Светлый день не угас.
И привольно и весело нам.
Все равно не уснем—птицы реют кругом,
И блуждают стада по холмам.

— Хорошо, подождем, но с последним лучом
На покой удалимся и мы.—
Снова топот и гам по лесам, по лугам,
А вдали отвечают холмы.

С О Н

Сон узор слетает свой
У меня над головой.
Вижу: в зелени полей
Заблудился муравей.

Грустен, робок, одиноч,
Он взобрался на цветок.
И, тревожась и скорбя,
Говорил он про себя:

— Мураши мои одни.
Плачут жалобно они.
Поглядят во мрак ночной
И в слезах бегут домой!

Пожалел я бедняка.
Вдруг увидел светляка.
— Чей,—спросил он,—тяжкий стон
Нарушает летний сон?

Выслан я с огнем вперед.
Жук за мной летит в обход.
Следуй до дому за ним—
Будешь цел и невредим!

* * *

В одном мгновеньи видеть вечность,
Огромный мир—в зерне песка,
В единой горсти—бесконечность,
И небо—в чашечке цветка.

КУКУШКА

Я слышу издали сквозь сон
Тебя, мой давний друг.
Ты—птица или нежный стон,
Блуждающий вокруг?

Ложусь в траву, на грудь земли,
А твой двукратный зов
Звучит так близко и вдали,
Кочует меж холмов.

Привет любимице весны!
До нынешнего дня
Ты—звонкий голос тишины,
Загадка для меня.

Тебя я слушал с детских лет
И думал: где же ты?
Я за холмом искал твой след,
Обшаривал кусты.

Тебя искал я вновь и вновь
В лесах, среди полей.
Но ты, как счастье, как любовь—
Все дальше и милей.

Я и сейчас люблю бывать
В твоём лесу весной,
И время юности опять
Встает передо мной.

О птица-тайна! Мир вокруг,
В котором мы живем,
Виденьем кажется мне вдруг.
Он—твой волшебный дом.

А Г А С Ф Е Р

Многопенные потоки,
Пробежав скалистый путь,
Ниспадают в дол глубокий,
Чтоб умолкнуть и заснуть.

Стая туч, когда смирится
Гнев грозы и гул громов,
Шлемом сумрачным ложится
На зубчатый ряд холмов.

День и ночь косуля скачет
По скалам среди высот,
Но ее в ненастье прячет
От дождя укромный грот.

Зверь морской, что в океане
Крова мирного лишен,
Спит меж волн, но их качанья
Он не чувствует сквозь сон.

Пусть, как чели, грозой гонимый,
Пляшет ворон в бурной мгле,—
Рад он пристани родимой
На пезыблемой скале.

Робкий страус до заката
По пескам стремится свой бег,
Но и он спешит куда-то
В сень родную—на ночлег.

Без конца моя дорога,
Цель все так же впереди.
И кочевника тревога
День и ночь в моей груди.

Л Ю С И

1

Среди нехоженых дорог,
Где ключ студеный бил,
Ее узнать никто не мог
И мало кто любил.

Фиалка пряталась в лесах,
Иод камнем чуть видна.
Звезда мерцала в небесах
Одна, всегда одна.

Не опечалит никого,
Что Люси больше нет,
Но Люси нет, и оттого
Так изменился свет.

2

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,
Не знал я, родина моя,
Как связан я с тобой.

Теперь очнулся я от сна
И не покину вновь
Тебя, родная сторона,
Последняя любовь.

В твоих горах ютился дом.
Там девушка жила.
Перед английским очагом
Твой лен она прjala.

Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.
И по твоим холмам блуждал
Ее прощальный взгляд.

3

Я был окован властью сна,
И думал я сквозь сон:
Теперь не чувствует она
Движения времен.

Ей в колыбели гробовой
Отныне суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно.

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

(Баллада)

Из вереска напиток
Забыл давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам.
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый—на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилках тесных,
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо
И думает: «Кругом
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет,—
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждет,

Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед.

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звепел над ними,
В море катилась валь.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь.

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю.
Выдам заветную тайну!—
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нишчем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
И я научу шотландцев
Готовить старинный мед!—

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал

Волны над ним сомкнулись,
Замер последний крик,
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик.

— Правду сказал я, шотландцы.
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

И вам подтрунивать над ним, когда он под хмельком,
Гораздо легче, чем шагать с винтовкой и мешком.

Солдат — такой, солдат — сякой, бездельник и буян!
Но он — храбрец, когда в строю зальется барабан.
Зальется барабан, друзья, зальется барабан.
Но он храбрец, когда в строю зальется барабан.

Мы — не шеренга храбрецов и не толпа бродяг.
Мы — просто холостой народ, живущий в лагерях.
И если мы подчас грешим, — народ мы холостой, —
Уж извините: в лагерях не может жить святой!

Солдат — такой, солдат — сякой, но он свой помнит долг,
И если пули засвистят, — в огонь уходит полк.
В огонь уходит полк, друзья, в огонь уходит полк.
Но если пули засвистят, в огонь уходит полк!

Сулят нам лучший рацион и школы — чорт возьми! —
Но научитесь, наконец, нас признавать людьми.
Не в корме главная беда, а горе наше в том,
Что в этой форме человек считается скотом.

Солдат — такой, солдат — сякой, и грош ему цена.
Но он — надежда всей страны, когда идет война.
Солдат — такой, солдат — сякой! Но как бы не пришлось
Вам раскусить, что он не глух и видит все насквозь!

* * *

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только „Дон“ и „Магдалина“ —
Быстроходные суда —
Только „Дон“ и „Магдалина“
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.

И я хочу в Бразилию —
К далеким берегам!

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!

Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

* * *

Если в стеклах каюты
Зеленая тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,—

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт,
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова,
И никто не смеется,
Не пьет и не ест,—

Вот тогда вам понятно,
Что значат слова:
Сорок норд,
Пятьдесят вест!

. . .

Есть у меня шестерка слуг,
Проворных, удалых.
И всё, что вижу я вокруг,—
Всё знаю я от них.

Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: „Как“ и „Почему“,
„Кто“, „Что“, „Когда“ и „Где“.

Я по морям и по лесам
Гоняю верных слуг.
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.

Даю им отдых от забот,—
Пускай не устают.
Они прожорливый народ.—
Пускай едят и пьют.

Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг,—
И всем покоя нет!

Она гощает, как собак,
В печаль, дождь и тьму
Пять тысяч „Где“, семь тысяч „Как“,
Сто тысяч „Почему“!

. . .

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверице не раз.
Но горб
Еще хуже,
Еще неуклюжей
Растет у меня и у вас.

У всех,
Кто сплется праздный,
Немытый, печесанный, грязный,
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Косматый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,
Проснемся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.

Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,

Невиданный
Горб,
Неслыханный
Горб,
Косматый, лохматый и черный!

Совет мой такой:
Забуть про покой
И бодро заняться работой,
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.

И ветер, и зной,
И дождь проливной,
И голод, и труд благотворный
Разглядят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и черный!

. . .

Кошка чудесно поет у огня,
Лазит на дерево ловко,
Ловит и рвет, догоняя меня,
Пробку с продетой веревкой.

Все же с тобою мы делим досуг,
Бишки послушный и верный,
Бишки, мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.

Если, набрав из-под крана воды,
Лапы намочите кошке,
(Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке),

Кошка, царапаясь, рвется из рук,
Фыркает, воеет, мяучит.
Бишки — мой верный, испытанный друг.
Дружба ему не наскучит.

Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трется о ваши колени.
Только вы ляжете, кошка за дверь
Мчится, считая ступени.

Кошка уходит на целую ночь,
Бишки мне верен и спящий:
Он под кроватью храпит во всю мочь.—
Значит, он друг настоящий!

. . .

С тобой говорит обезьяна,
Мудрейшая в роде своем.
Давай убежим на волю
Из этого дома вдвоем.

В коляске прехали гости.
Стучатся у наших дверей.
Пускай принимает их мама,
А мы — за порог поскорей!

Давай убежим к поросятам,
Залезем вдвоем на забор,
Узнаем, что делает кролик,
Проведаем птичий двор.

Давай все, что хочешь, папа,—
Лишь бы только мне быть с тобой!
Исследуем все дороги,
А к чаю вернемся домой.

Вот твои сапоги. Вот шляпа.
Вот трубка, табак и трость.
Бежим поскорее, папа,
Пока не заметил гость!

ВЕСЕЛЫЙ КОРОЛЬ

Старый дедушка Коль
Был веселый король.
Громко крикнул он свите своей:
— Эй, палейте нам кубки,
Да набейте нам трубки,
Да зовите моих скрипачей, трубачей,
Да зовите моих трубачей!

Были скрипки в руках у его скрипачей,
Были трубы у всех трубачей,
И пилили они,
И трубили они,
До утра не смыкая очей.

Старый дедушка Коль
Был веселый король.
Громко крикнул он свите своей:
— Эй, палейте нам кубки,
Да набейте нам трубки,
Да гоните моих скрипачей, трубачей,
Да гоните моих трубачей!

. . .

Кабы реки и озера
Слить бы в озеро одно,
А из всех деревьев бора
Сделать дерево одно,

Топоры бы все расплавить
И отлить один топор,
А из всех людей составить
Человека выше гор,

Кабы, взяв топор могучий,
Этот грозный великан
Этот ствол обрушил с кручи
В это море-океан.—

То-то громкий был бы треск,
То-то шумный был бы плеск!

* * *

Дама бубён
Варила бульон
И пудинг пекла на обед.
Десятка бубён
Украда бульон,
А пудинг украд валет.

Король бубён
Спросил про бульон
И пудинга ждал на обед.
Десятка бубён
Вернула бульон,
А пудинг вернул валет.

Ш А Л Т А Й - Б О Л Т А Й

**Шалтай-Болтай
Сидел на стене.
Шалтай-Болтай
Свалился во сне.**

**Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может
Шалтая,
Не может
Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая собрать!**

КОРОЛЕВСКИЙ ПОХОД

По склону вверх король повел
Полки своих стрелков.

По склону вниз король сошел,
Но только без полков.

ГВОЗДЬ И ПОДКОВА

Не было гвоздя —
Подкова
Прошала.

Не было подковы —
Лошадь
Захромала.

Лошадь захромала —
Командир
Убит.

Конница разбита,
Армия
Бежит.

Враг вступает
В город,
Пленных не щадя,—

Оттого что в кузнице
Не было
Гвоздя!

М Е Л Ь П И Ц Ы

**Дуйте,
Дуйте,
Ветры,
В поле,
Чтобы
Мельницы
Мололи,
Чтобы
Завтра
Из муки
Испекли нам
Пирожки!**

К Л Ю Ч О Т К О Р О Л Е В С Т В А

Вот вам ключ от королевства.

В королевстве — город,
А в городе — улица,
А на улице есть двор,
На дворе — высокий дом.
В этом доме — спальня.
В спальне — колыбелька.
В колыбельке — ландыше..
Полная корзина.

Ландышей,
Ландышей
Полная корзина.

Ландыши — в корзине.
Корзина — в колыбельке.
Колыбелька — в спальне,
А спальня — в доме.
Дом стоит среди двора.
Двор глядит на улицу.
А улица — в городе.
Город — в королевстве.

Вот от королевства ключ,
Ключ от королевства!

КОРАБЛИК

Плывет, плывет кораблик,
Кораблик золотой.
Везет, везет подарки,
Подарки нам с тобой.

На палубе матросы
Свястят, спуют, спешат,
На палубе матросы —
Четырнадцать мышат.

Плывет, плывет кораблик
На запад, на восток.
Канаты — наутинки,
А ярус — денесток.

Ведет кораблик утка,
Испытанный моряк.
— Земля! — сказала утка. —
Причаливайте! Кряк!

СКАЗКА О СТАРУШКЕ

Старушка пошла продавать молоко.
Деревня от рынка была далеко.
Устала старушка и кончив дела,
У самой дороги вздремнуть прилегла.

К старушке веселый щенок подошел,
За юбку схватил и порвал ей подол.
Погода была в это время свежа.
Старушка проснулась, от стужи дрожа.

Проснулась старушка и стала искать
Домашние туфли, свечу и кровать.
Но, порванной юбки ощутив края,
Сказала: „Ах, батюшки, это не я!

Ийду-ка домой. Если я — это я,
Меня не укусит собака моя.
Она меня встретит, визжа, у ворот,
А если не я — на куски разорвет“.

В окно постучала старушка чуть свет.
Залаяла громко собака в ответ.
Старушка присела, сама не своя,
И тихо сказала: „Ну, значит, — не я!“

ТРИ ЗВЕРОЛОВА

Три смелых зверолова
Охотились в лесах.
Над ними полный месяц
Снял на небесах.

— Смотрите, это — месяц!—
Зевнув, сказал один.
Другой сказал:— Тарелка!
А третий крикнул:— Бляц!

Три смелых зверолова
Бродили целый день,
А вечером навстречу
К ним выбежал олень.

Один сказал:— Ни слова,
В кустарнике олень!
Другой сказал:— Корова!
А третий крикнул:— Пень!

Три смелых зверолова
Сидели под кустом,
А кто-то на березе
Помахивал хвостом.

Один воскликнул:— Белка!
Стреляй, чего глядишь!
Другой сказал:— Собака!
А третий крикнул:— Мышь!

П И Р О Г

Много, много птичек
Запекли в пирог:
Семьдесят
Свищек,
Сорок семь
Сорок.

Трудно непоседам
В тесте усидеть —
Птицы за обедом
Громко стали петь.

Убежали люди
В золотой чертог,
Королю на блюде
Понесли пирог.

Где король?
На троне,
Пишет манифест,
Королева
В спальне
Хлеб с вареньем ест.

Королева в парке
Вешает белье.
С дерева сорока
Смотрит на нее.

В ГОСТЯХ У КОРОЛЕВЫ

— Где ты была сегодня, киска?

— У королевы у английской.

— Что ты видала при дворе?

— Видала мышку на ковре.

П О Р О С Я Т А

Весной поросята ходили гулять.
Счастливей не знал я семьи.
„Хрю-хрю“,— говорила довольная мать
А детки визжали: „и-и!“

Но самый визгливый из всех поросят
Сказал им:— О братья мои!
Все взрослые свиньи „хрю-хрю“ говорят,
Довольно визжать вам „и-и!“

Послушайте, братья, как я говорю!
Чем хуже я взрослой свиньи?—
Бедняжка! Он думал, что скажет „хрю-хрю“,
Но жалобно взвизгнул „и-и!“

С тех пор перестали малютки играть,
Не рылись в грязи и в пыли.
И все оттого, что не смели визжать,
А хрюкать они не могли!

Мой мальчик! Тебе эту песню дарю.
Рассчитывай силы свои.
И если сказать не умеешь „хрю-хрю“,
Визжи, не стеснясь: „и-и!“

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

Вот дом,
Который построил Джек.

А это — шишца,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это — веселая птица-сишца,
Которая часто ворует шишцу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот кот,
Который пугает и ловит сишцу,
Которая часто ворует шишцу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот пес без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит сишцу,
Которая часто ворует шишцу,

Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это — корова безрогая,
Лягнувшая старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это — старушка седая и строгая,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это ленивый и толстый пастух,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,

Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит спилицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Народные баллады

Мельник	3
Трагедия Дугласов	6
Король и настух	10
Королева Элиор	16
Графиня-цыганка	19
Баллада о двух сестрах	21
Клятва верности	24
Русалка (Морская песня)	26
Женщина из Ашерс-Велл	28

Из Шекспира

Сонет (О если ты, мой друг, переживешь)	31
Сонет (Зову я смерть—мне видеть неутерпел)	32
Песни шута (Из „Короля Лира“)	33

Из Роберта Бернса

Честная бедность	36
Джон Ячменное Зерно	39
Застольная	41
Лучший парень	43
В горах мое сердце	45
Джон Андерсон	46
Макферсон перед казнью	47
Дерево свободы	49
Робин	52
В полях под снегом и дождем	54
Дженни	55
Где-то в пещере...	56
Ты меня оставил, Джеми	57
Песня бродячего лудильщика	58
Фицлей	59
Что делать девочке?	60
Шела О'Нил	61
Всю землю тьмой заволокло	62

Из Вильяма Блейка

Король Гвни	63
Весенний праздник в Лондоне	69
Древо яда	70
Песня няни	71
Сон	72
В одном мгновеньи видеть вечность	73

Из Вильяма Вордсворта

Кукушка	74
Агасфер	76
Люси	78

Из Роберта Стивенсона

Вересковый мед	80
--------------------------	----

Из Редьярда Киплинга

Томми Аткинс	85
На далекой Амазонке	87
Если в стеклах каюты	88
Есть у меня шестерка слуг	89
Горб верблюжий	90
Кошка чудесно поет у огня	92
С тобой говорит обезьяна	93

Народные детские песни

Веселый король	94
Кабы реки и озера	95
Дама бубён	96
Шалтай-Болтай	97
Королевский поход	98
Гвоздь и подкова	99
Мельницы	100
Ключ от королевства	101
Кораблик	102
Сказка о старушке	103
Три зверолова	104
Пирог	105
В гостях у королевы	106
Поросята	107
Дом, который построил Джек	108

Редактор Т. Г а б б е

Подписано к печати 25 августа 1943 г. 3^{1/2} п. л. 3,42 уч.-авт. л.

A2628

Тираж 25.000. Цена 4 р. Зак. 1154.

6-я типография ОГИЗа. Москва, 1-й Самотечный, 17